

Ахметжан Ашири

РАССКАЗЫ

ЦВЕТЫ ЖИВЫЕ

Бабушку мою зовут Гулишам. Это значит – вечно живой цветок.

... В нашем саду, возле беседки, можно увидеть ярко душистый ковер из лепестков. В этих цветах – судьба моей бабушки.

Бабушку я не вожу за руку: она сама по запаху определяет, где что растет. Я невольно сравниваю ее с цветами: она для меня – воплощение добра и красоты. Когда бабушка дарит цветы, то не видит, какое впечатление производят они, но сердцем чувствует радость, озаряющую лица людей. Цветы, как известно, недолговечны и со временем увядают. Не увядают только трогательная любовь и преданность бабушки к ним...

Когда дедушка уходил на фронт, он говорил ей:

«Мой выбор пал на тебя потому, что ты была словно самый прекрасный цветок среди своих подруг... Такой ты навсегда для меня и останешься... Береги детей...»

«Мама, цветы в саду – это мы. Пока ты жива, мы ни когда не погибнем», - писали бабушке дети и отец мой тоже.

Я, моя мама и бабушка жили в глинобитной мазанке. Бабушка работала в колхозе. Мама на рассвете уходила собирать в поле табак и возвращалась поздно, уже затемно. Тяжелый, видно, это был труд: мама тут же валялась на постель. Нелегко было всем, но я не помню, что бы мама когда-нибудь жаловалась. Она часто болела. Потом внезапно умерла... Бабушке оставалось лишь с грустью вспоминать невестку, чья жизнь оборвалась так рано...

И в самые трудные дни утешением для бабушки служили цветы. Да еще – тихие разговоры в беседке с женщинами, которые заходили по дороге с поля попить вкусного бабушкиного аткян-чая и пожевать по обычаю шама. О чем они говорили, я не слышал. Только иногда случайно останавливался у беседки и видел их беспокойные, горестные лица.

Женщины передавали наши цветы уходящим на фронт односельчанам. Воины брали цветы и клялись защитить Родину от врагов.

- Цветок - это человек, это его жизнь, - порою замечала бабушка в раздумьи. И хотя я не понимал тогда смысла ее слов, но внутренне чувствовал, что скрывалось за ними что-то важное.

- Цветок - сама жизнь. Его надо уметь беречь. – Бабушка проклинала фашистов и напутствовала земляков словами: - Кто защищает Родину, тот живет вечно. – И долго, без усталости рассказывала истории, легенды о влюбленных, о героях, сражавшихся за счастье народа, - о тех, кому преподносили самый дорогой подарок – цветы, символ любви и справедливости, торжества непрекращающейся жизни...

Были у бабушки и кое-какие странности. Прижмет иной раз меня к себе и станет принохиваться, взъерошивая длинными пальцами мои непослушные вихры. Это меня забавляло: «Цветок я ей, что ли?»

- Маленького тебя я, запеленав, оставляла среди цветов. И сейчас мне кажется: в тебе – весь их аромат, - смеясь, объясняла она.

Однажды бабушка разбудила меня на рассвете. Я увидел в ее руках красивый букет. То были любимые цветы ее младшего сына – моего дяди... Лицо бабушки было грустным... Мы пришли на берег реки, куда собрались почти все односельчане. Там разносились крики, причитания.

- Не плачьте, родные! – Бабушка подняла цветы высоко над головой. – Это тебе, сынок. Ты очень похож на моего младшего, - сказала она дрогнувшим голосом и протянула букет видному, стройному парню. – И твоя очередь настала - защищать нашу Родину.

Я на всю жизнь запомнил ее долгий взгляд, устремленный на юношу...

Потом, по дороге домой, она сказала мне: Теперь только ты, мой черноглазый, остался у меня на свете».

Почему она так говорила? Я недоуменно взглянул на бабушку: в этот день у нее прибавилось седины, морщины на лице стали глубже,

Мы шли молча. Вдруг она со стоном обернулась ко мне:

- Цветы вянут, гибнут цветы, сынок!..

- Как это?! – проговорил я, забегая вперед. – Наши цветы не завянут, бабушка!

- Я про мужчин нашего села говорю.

И я впервые увидел на её лице редкие слезинки, катившиеся по старческим щекам. Горькие слезы... тяжелые слезы... скупые слезы... из добрых, забывших радость глаз...

...По словам бабушки, я – глава семьи. Ее огонь. Ее жизнь. Ее счастье. Ее надежда. Со мной советуются, со мной разговаривают как со взрослым.

- Рожденные не умирают! Дедушка, папа и дядя вернутся! Вот увидишь! - успокаивал я бабушку.

Она чаще стала бывать в саду. Теперь бабушка как-то по-другому разговаривала с цветами. Вот она подошла к розам, погладила их, прижала к губам и будто застыла. Я понял, что в эту минуту она вспоминает своего младшего сына: розы были его любимыми цветами. Милые руки, теплые, мягкие! Мне иногда казалось, что от их прикосновения цветы оживали и словно сами тянулись к ним. Я боялся помешать бабушке, прервать ее мысли, нарушить ее покой и временную отрешенность от мира. Может быть, она думала о своей молодости или вспоминала о своей веселой свадьбе, о счастливых днях многотрудной жизни?

- Знаешь, черноглазый мой, - сказала она как-то, осторожно трогая пахучие ветки, - эту сирень посадил твой дедушка. Давно-о-о это было. В то время я наравне с мужчинами работала в поле. Ни один юноша не мог подобрать ключ к моему сердцу. Никто не догадывался, что моя любовь – это цветы. Но твой дедушка... - Она улыбнулась, - оказался дальновидным. Однажды он принес букет сирени прямо в поле и подарил мне. Потом мы посадили сирень в саду... В нашем саду... - тихо добавила бабушка и отвернулась.

... В школу я пошел поздно. Учился старательно. Кончил десятилетку и стал работать учетчиком в колхозе.

И опять бабушка увидела меня.

- Говорят, в городе специалистов готовят. Езжай.

А за меня не волнуйся: я не одна... Кругом люди.

- Но ведь немолодая ты, - возразил я. – На кого же я тебя оставлю? Хватит мне пока и этих знаний!

- Понимаю, жалеешь ты меня, сынок...

Но тебе нужны знания! Не спорь уж, пожалуйста, со мной...

Поддался я наконец ее уговорам. Отправился в Алма-Ату, поступил в сельскохозяйственный институт, на заочное отделение.

...Шли годы. Может быть, от старости, а, может, от пережитых страданий бабушка стала совсем слепой.

- Вот так и придется покинуть свет, не узнав невесты своего внука, не приласкав своих правнуков, - размышляла она вслух. – Пора тебе жениться, сынок. Если бы только невеста твоя любила цветы, если бы ценила их...

Её слова совпали с моими:

- Я...Я нашел уже такую невесту! Она будет ценить тебя! Ее зовут Меизгуль.

- Она из нашего села?

- Нет, издалека.

Бабушка от чего-то притихла. – Ну, хорошо, - сказала она, наконец благословляя мой выбор, и направилась в сад. Неторопливо нарвала букет цветов, потом окликнула меня: - Этот букет – твоей невесте... Скажи бабушка передала. Ждет, мол, скажи. Я взял цветы и поехал в город. Меизгуль, вся какая-то легкая, яркая, словно бабочка, радостно бросилась мне на шею. Я протянул ей бабушкин букет. Меизгуль странно изменилась вдруг в лице, а потом громко расхохоталась: - И этот букет вы везли мне?! Напрасно утруждали себя. И зачем было вести в такую даль какие-то дешевые цветочки? Вон там продаются гораздо красивее, - сказала она и... небрежно отбросила букет в сторону. Звонкий девичий смех и прозвучавшие только что слова хлестнули меня, будто пощёчина. Оглушенный, я склонился и поднял цветы из придорожной пыли. - Да, странный Вы человек! Ну, что это в самом деле за цветы?! Пойдемте, выберем что-нибудь получше, - продолжала Меизгуль. - Нет, цветы не бывают дешевыми! Они бесценны! – почти выкрикнул я. – Моя слепая бабушка вырастила их в нашем саду! – О, да вы настоящий поэт! – опять рассмеялась Меизгуль. – Бросьте сердиться! Я отвернулся. Потом, не раздумывая, быстро зашагал к автобусной остановке. – Куда вы?! – закричала вслед Меизгуль. Но я уже не слышал ее... Не помню как я вернулся в село. Бабушки дома не было. Соседи сказали, что она ушла на площадь к Вечному огню: положить свежие цветы...

СКАТЕРТЬ

- Дорогая хозяйка, не печалься, пожалей себя. Ты вот сейчас беседуешь со мною и плачешь. А жизнь-то – другая! Хорошая жизнь! Люди счастливы! Но верно и то – разве нам забыть прожитые годы?... – Да, моя скатерть - радость моя. День ведь сегодня какой – День победы! Покой наступил в семьях. И как же тут не вспомнить белое?! Хочу, чтобы земляки никогда не забывали первую жатву, первый хлеб из тандыра – такой горячий, душистый, живительный...

- Правду говоришь, мать. Ты ждала эту Победу. Помня, бывало, бессонной порой расстелешь меня перед собой и одна в тишине заливаешься горючими слезами. Свидетелем тому была лишь луна, бесстрастно глядевшая в наше окошко. Но почему же ты плачешь сейчас?! Не надо... Постарела вот... А когда-то была красавицей. Помнишь, как я очутилась у тебя? С тех пор мы и породнились, и вся твоя жизнь прошла у меня на виду.

- Тогда умерли мои родители... И ты перешла ко мне.

- Прижав меня к груди, ты в тот день безутешно рыдала. Я жалела, сочувствовала тебе. Хотела скрасить твою судьбу, отвлечь от мрачных мыслей... Однажды, в начале осенней страды, ты принесла меня в поле...

- Да, наши односельчане – прирожденные земледельцы, трудолюбивые, как муравьи. Они той порой переезжали с семьями поле... И вот я иду одна среди спелых, отличающихся золотом колосьев пшеницы. Легкий ветерок колышет их, и они, кажется, здороваются со мной, ласково прикасаясь к тонким смуглым рукам.. И не заметила, как очутилась на колхозном току. Там, в тени навеса, чинно восседали седобородые старцы. Я вежливо им поклонилась. «Спасибо, доченька! Уважение к сединам

украшает молодых», - отвечали мне эти умудренные годами земляки.

Где-то они теперь?..

- Знаю, хозяйюшка, как раз там, в поле ты и нашла свое счастье. Ты целовала колосья, а колосья – это отрада, надежда, это - сама жизнь. Чудесная, добрая примета. И она сбылась – мгновенно, словно во сне или в сказке. Но кто был тот юноша, что прискакал на длинногривом гнедом коне? Что же ты замолчала?.. Не утаивай уж от меня...

- Взгляд его был удивительно ясным и лучистым. Юноша тоже поклонился старцам, а увидев меня, улыбнулся, как своей знакомой. Потом сказал, обращаясь ко всем: « Я привез вам муку нового помола». «Это наш обычай, сынок. Ты сделал благое дело. Вот и пригожая молодница пришла сюда со своей скатертью, напечет нам свежего хлеба», - промолвили старики. Тогда парень ловко вскинул увесистый мешок на плечо и отнес его на кухню. « Я увидел Вас среди золотых колосьев, и Вы показали мне полевым цветком» - сказал юноша, вернувшись. Я смутилась, оглянулась на стариков, а те, казалось, одобрительно кивали нам головами.

Ты, хозяйюшка, была достойной невестой для того юноши. Не даром тогда оставила для него почетное место за праздничным столом. Он - труженик, которому совсем не часто приходилось сидеть за пышным дастарханом. Вот ты и старалась: месила тесто, не жалея муки. Только я не могла понять, отчего твое лицо так пылало румянцем? – Помнишь, моя скатерть, в обеденный перерыв все собрались на току. Вокруг тебя расположились исполненные достоинства седобородые старики, а рядом с ними и те, кто помоложе.

- И люди сказали: «Спасибо, доченька, за гостеприимство. Пусть эта скатерть расстелится на твоей свадьбе».

- Да, и эти слова тоже скоро сбылись.

- Свадьба была на току... Слыханное ли это дело, чтобы свадьбу справляли на хлебном току?! – Что ж, у каждого времени свои обряды. Современная свадьба проходит по-другому. Только свадьба – это всегда и для всех самый радостный праздник. Да вот...

- Ты хочешь рассказать про свадьбу своей дочери? Про ту горечь и обиду? Нет, ты не виновата! Твои сваты должны были понять. Но...

- Не виновата ни в чем и дочь. Умница моя... Душевная...

Как-то тебе живется у чужих? – Она у тебя честная, искренняя, справедливая. И – гордая! Умеет постоять за себя. Не волнуйся за нее. Расскажи лучше еще о себе.

- Пришлось пережить и похоронку на мужа. Сколько пролито слез... Я осушала их, прижимая тебя к лицу, которое прорезали глубокие морщины...

- Жила ты тогда на краю села и всех, кто уходил на фронт, непременно приглашала к себе. Расстилала меня перед людьми, угощала их чаем... Они задумчиво смотрели на меня, потом озабоченно, торопливо покидали дом, поклявшись вернуться с победой... Однако только мне трудно понять – откуда берутся недобрые люди, которые мешают другим беседовать по душам, собравшись вокруг чистой скатерти на мирную, дружескую трапезу? Прошу, хозяйюшка, если тебе встретится кто-нибудь подобный, никогда не расстилай меня перед ним!

- Ты сердисься на людей?

- Я хочу, чтобы живущие на земле любили и заботились друг о друге.

- И мы признательны тебе за это. Когда ты расстилаешься перед ними, звучат знаменитые «Двенадцать мукамов», уважаемые люди неспешно толкуют о своих праведных делах и заботах. Уж это ты умеешь – сближать незнакомых прежде собеседников, делать их друзьями. Если бы все земляне жили в согласии, то мир расцвел бы цветами. Ты знаешь это лучше меня.

- И так же, как ты, матери – умные, добрые, красивые и мужественные – будто солнце освещают путь к счастью, согревают человеческие сердца... Скажи, почему однажды ты чуть свет разбудила свою дочь?

- На фронт уходили ее сверстники. Нелегко было расставаться с ними.

- Ты - волевая женщина. Возьми себя в руки! Сердце подсказывало тебе, что цветам предстоит обогреться кровью... Получила черную бумагу... Вмиг поседела... Но выстояла, не сломилась. И до сих пор в честь воинов печешь хлеб. Это прекрасно! Не зная устали, ты хлопотала, чтобы школы и улицы назвали именами павших героев. Совесть твоя чиста...

- Похоронки приходили каждый день. Дочь лишилась отца. Душа сжалась, похолодела. Извини, моя скатерть: тогда я не раскрыла тебя.

- Но ведь это – до поры до времени! Настал все-таки и мой час!

- В тот день я увидела почтальона и... кинулась прочь. Он окликнул меня. Я не остановилась. Тогда он крикнул: «Да подожди же, есть хорошая новость!» Хорошая вещь!.. О, жизнь, пусть в тебе всегда берут верх добро и справедливость!.. Тут же я пригласила к себе всех женщин нашего села.

- Я помню. Дочь бережно взяла меня с полки и расстелила перед гостями. Трудно описать чувства, которые овладели тогда всеми. Глаза женщин, полные слез, были устремлены на письмо. Оно передавалось из рук в руки. Помнишь те, закапанные счастливыми слезами строчки: «Мы живы, скоро вернемся и снова встретимся за одной скатертью»?

- Помню! Люди допоздна говорили с тобой о жизни, о грядущем мире на земле... Конечно, всего, что пережито, не опишешь.

- Расскажи о дочери своей.

- Дочь родилась весной и цвела, как весна. Как-то говорю ей: «Я бы хотела посидеть вокруг скатерти со своими внучатами». Она весело рассмеялась... Но обещала. А там и сваты потянулись...

- Что ж ты опять умолкла?

- Разве добро не должно обращаться добром? Больно, когда бывает иначе...

- Это верно. Но получилось-то именно так. Сундук ломился от приданного. Все вокруг восторженно ахали. Но вот открыли другой сундук, невестин. Одна немолодая женщина вытащила меня оттуда и показала гостям. «Боже, ну что за приданное? Да это же просто посудная тряпка! Неужели не нашлось чего-нибудь получше?» - раздались со всех сторон негодующие возгласы жениховой родни. Я очень обиделась на своих новых хозяев. Но не хотелось портить свадьбу твоей дочери. Подумала и о тебе. Ведь те, кто меня знал, сказали: «Это к счастью, к изобилию», - и не стали снова класть в сундук. Я честно служила на свадьбе. Стол был полон угощений, вино лилось рекой. Начались танцы. Родственники жениха усердствовали всюду, плясали, немилосердно топчась меня сапогами. Принимали подарки и снова пускались в пляс.

Твоя дочь уединилась в соседней комнате и следила оттуда за происходящим. Вдруг она в смятении крикнула: «Да остановитесь же, прекратите!» Все оторопело уставились на невесту. Да и я, признаться, немало удивилась: никогда раньше не слышала, чтобы она повысила на кого-нибудь голос. Так сильно, значит, она меня пожалела. Спасибо, доченька, за твое мягкое сердце! Оставайся такой всегда! Тогда же попала я к однорукому Галипу, потом уж к тебе, хозяйка...

- Прости меня за ту давнюю обиду! Кто же мог знать? Мне тоже горько. Ведь ты – это я...

- Мы с тобой не одиноки: с нами всегда рядом такие, как Галип.

- Пришел праздник Победы. Солдат Галип пригласил гостей и усадил вокруг тебя... Погибших почтили молчанием...

- Там, где есть человечность, я готова делиться и радости, и печали.

- Да, пусть же человечность всегда торжествует на земле.

ТЕТРАДЬ

Азатгуль внимательно прочитывала каждое слово в знакомых ученических тетрадках. Время от времени она что-то отмечала в них красным карандашом. Проверенные тетрадки неровной стопкой лежали на подоконник и листы их шевелил свежий ночной ветерок. Девушка то улыбалась, то хмурилась, и со стороны казалось, будто она разговаривает с кем-то невидимым.

«Опять! – встрепенулась Азатгуль, когда раскрыла последнюю тетрадь в сиреневой обложке. – Что с ним такое?! Будто подменили мальчишку!».

В смятении она встала, прошлась по комнате, снова села и, раздумывая, начала машинально очинять и без того острые карандаши.

«Откуда эти кляксы? И ошибки?.. Таких он никогда не допускал! И домашнего задания нет. Да, что-то неладное творится с Махаметом. Завтра же пойду к нему домой», - сердясь на себя, что не

сделала этого раньше, решила учительница. Она собрала тетради и перевязала их лентой крест-накрест.

Рано утром улица ожила. Пылили колхозные машины, медленно полз трактор, пугливо жался к обочине ослик, запряженный в повозку на двух больших колесах. В ней ехал смуглолицый, седобородый старик в ватном халате, подпоясанном кушаком.

- Доброе утро, дедушка Махпул, - поравнявшись с повозкой, приветливо обратилась к седоку Азатгуль. – Куда вы это собрались спозаранок?

- Да так, доченька, воздухом подышать, людей посмотреть. Заботы наши известные. А ты к шалунам своим торопишься?

- К ним, дедушка. Беспокойный они народ, и за всеми доглядеть нужно.

Впереди шумной стайкой пробежали ребятишки с портфелями. Махамета среди них не было: он жил на противоположной стороне села. Азатгуль хотела понаблюдать за ним перед уроками и пришла в школу задолго до звонка.

Махамет появился, когда все его одноклассники были уже на своих местах. Он виновато взглянул на учительницу, тихо поздоровался и сел за последнюю парту.

Когда Азатгуль спросила, все ли выполнили задания, Махамет потупился. Он не мог поднять руку вместе с остальными, и теперь мальчику казалось, что вызовут к доске именно его. Но отвечали другие и он несколько успокоился, хотя урок слушал невнимательно, только делал вид, что слушает.

Махамет кое-как дождался конца занятий и сразу же, схватив сумку, побежал домой. После уроков Азатгуль спросила у игравших возле школы детишек, почему Махамет не остался с ними.

- Мама у него болеет, – сказал маленький белозубый Мерхалил. – Позавчера я видел: Махамет воду нес домой из колодца.

Азатгуль стала догадываться, в чем дело.

Через полчаса она уже входила во двор на окраине. При ее появлении Махамет вздрогнул от неожиданности, хотел было убежать, но совладал с собой.

- Проходите, пожалуйста, тонким голосом пригласил он учительницу в дом. Мать Махамета лежала на высокой постели и по-видимому, дремала. Азатгуль в нерешительности остановилась у порога. Мальчик, опасаясь, что мать, услышав жалобу на него, заболит еще сильнее, смотрел на учительницу растерянными, молящими глазами.

Тем временем гостя оглядела комнату. В ней было чисто, прибрано. « Молодчина, - подумал она и ласково улыбнулась ему. А тот, словно очнувшись, стал будить мать:

- Мама, к Вам пришли!

Больная медленно повернулась, посмотрела на сына, потом на посетительницу. Азатгуль слегка сжала ее руку.

- Узнала, что Вы заболели, и вот зашла проведать, - сказала она, - да сообщить, что Махамет учится хорошо и дисциплина у него отличная.

- Спасибо, милая, спасибо, - проговорила мать.

Махамет догнал Азатгуль на улице.

Комок сдавил ему горло и он не сразу произнес:

-Спасибо Вам... Я буду хорошо учиться.

- Почему же ты сразу не рассказал мне обо всем?-

Учительница погладила мальчика по черным, как смоль, волосам. – Ну, ничего. Мама выздоровеет, не беспокойся. Ты будешь хорошо учиться, верю тебе, Махамет...

... Снова допоздна светится одинокое окошко в чисто выбеленном домике. И снова стопки тетрадей – на столе, на подоконнике. А вот и та самая, в сиреневой обложке. Улыбается Азатгуль... Значит, всё в порядке.

ОЖИДАНИЕ

Красные отблески закатившегося солнца опустились на землю. Люди возвращались с табачного поля. По широкой дороге шла мать с ребенком. Усталость навевала на женщину грустные мысли. Перед глазами встало прошлое... “Ты будил меня, а я будила тебя, и мы вместе ходили на жатву, - обращалась она мысленно к своему мужу-комбайнеру. – Иногда оставались ночевать среди тяжелых, спелых колосьев. Когда ты был рядом, я не чувствовала усталости. Работала с удовольствием. Мы часто думали о будущем Эркимжана. Однако кто знал, что все так обернется? Помните, как я из только что смолотого зерна испекла в тандыре свежий хлеб. Как вы его пробовали, похваливая меня. Может быть, не так уж много людей, которые так любят свой хлеб, испеченный в тандыре... А завтра уже не в поле... Тебя по этой дороге я провожала на фронт.”

Душа матери леденела от горя. Дорога продолжала навевать воспоминания: “Не грусти, Аимбуви. Не только ты остаешься одна!” Женщина часто вспоминала эти слова. Она оглянулась назад. Эркинжан шел тихо. Он увидел, что мать, остановившись, ждет, и побежал к ней.

- Мама, почему плакали женщины? Почему? – спросил он.

Мать тяжело вздохнула.

- Ты только смотри. Ничего не спрашивай. Ты не должен думать об этом. И говорить об этом не нужно, - сказала Аимбуви, оставив вопрос сына без ответа. Мать никогда не говорила сыну такие слова, как “война”, «похоронила», «погиб» или «умер».

- Давай делать тандыр, - предложила она однажды сыну. Когда придет отец, мы испечем хлеб.

Мать была веселой и возбужденной. Видя это, Эркинжан радостно воскликнул:

- Я буду таскать глину и воду, мама!

Начали строить тандыр.

Мама, ты сумеешь закончить к приезду отца?

- Успею...

Прошло некоторое время. Однажды мать долго разговаривала возле тандыра с белокурой, грустной почтальоншей. Когда женщина ушла, Аимбуви порывисто обняла сына и заплакала. Эркинжан был удивлен.

- Сынок... Отец никогда не будет есть хлеб из нашего тандыра, - голос матери задрожал... - Я не думала... сломалось наше крыло.

Эркинжан не понимал этих слов. Он только замер, рассматривая её грустное лицо. Холодная весть надломилась мать. Она ушла в себя. Несколько дней не выходила со двора. А тандыр так и остался не законченным.

Эркин забрался на глиняную крышу дома и долго там сидел. Отсюда хорошо был виден ток. Он начал считать подводы, гружённые пшеницей. Потом, когда ему надоело, спустился во двор. Посмотрев на недостроенный тандыр, Эркинжан подумал: «Интересно, а возчики видели моего отца? Пойду спрошу». Закрыв дом, побежал за подводами. Он недолго ждал их возвращения. Вскоре к тому месту, где сидел Эркинжан, подъехала подвода. В неё была запряжена худая - худая вся в мыле лошадь. На подводе лежали мешки в заплатах. Возчиком был высокий, худощавый солдат. По его загорелому лицу струился градом пот, как будто не лошадь, а он, возчик, тащил подводу.

Вот перед ним и встал весь взъерошенный, большеглазый Эркинжан.

- Здравствуй, сынок! – сказал солдат и протянул Эркинжану единственную руку.

- Когда встречаются мужчины, они дают друг другу руки, - продолжал солдат, тепло улыбаясь. Эркинжан тоже протянул ему маленькую ручку. Глаза его, полные от боли и жалости слёз, остановились на пустом рукаве солдата.

- Дядя, а где твоя другая рука? – спросил он и крепко прижался к солдату. Тело его тряслось. Солдат сразу понял, как соскучился мальчик по своему отцу и тоже крепко прижал его к себе одной рукой.

- Ну, перестань, перестань. Мужчины не плачут, - успокаивал солдат Эркинжана. – Лучше расскажи, почему ты здесь?

- Я пришел спросить о моем отце, - сказал Эркинжан и внимательно посмотрел на солдата.

Это сразу насторожило солдата, ибо за словами мальчика что-то было скрыто.

- Отец прислал письмо?

- Не знаю. Но мама сказала, что сломались наши крылья. Отец не будет есть хлеб из нашего тандыра.

- Ах, вот что... сынок, - задумчиво обронил солдат.

Он все понял. Видимо мать не осмелилась сказать, что отец погиб на фронте. «Чем я могу помочь?» - с горечью подумал солдат.

- Сынок, - начал он тихо, - когда ток будет полон хлебом, тогда и придет твой отец. Поверь мне... Если не веришь, спроси у дяди Касыма. Я видел твоего отца. Только сейчас вспомнил. Отец твой говорил: «Когда гумно наполнится хлебом, тогда я приеду».

- Правда, дядя?! – весело засмеялся мальчик.

«Поверил. Как хорошо, что ты веришь! Простите меня, люди, за эту ложь. Но не было выхода... Как я мог обжечь сердце этого маленького человека?! Кончится война и ток наполнится хлебом. Наступит мир и эти дни забудутся. Может, все-таки вернется твой мужественный отец?» - так думал солдат.

Они как-то сразу сблизились с первого взгляда.

- Ну, давай прощаться, сынок, - сказал воин, взглянув на солнце. – Да и время уже позднее... Пока доеду до элеватора, будет темно.

- Хорошо, - ответил мальчик. – Ведь я еще увижу тебя, правда?

- Конечно, увидимся, - ответил солдат, поцеловав широкий лоб мальчика, и взъерошил его чуб. Эркинжан удивленно посмотрел на солдата.

- Мой папа так делал! Ты откуда это знаешь?! Мама целует только в ладони...

- Я все знаю, сынок.

Эркинжан неожиданно открыл для солдата секрет. С этого момента солдат вошел в его детскую душу, как родное существо.

Как бы мне попасть на ток! - думал Эркинжан, болтая босыми ногами в арыке. В это время он увидел своих друзей, идущих с мешками, сумками на сбор колосьев. Он быстро вскочил и стал кричать им вслед:

- Я тоже с вами пойду! Подождите!

- Ты думаешь легко собирать зерно?! – смеясь, сказал рослый мальчик. – Наступишь на колючку, будешь плакать.

Все громко засмеялись.

- Да и хлеба у тебя нет, - сказал один из ребят.

- Я не буду, есть хлеб! Колючек не боюсь, - сказал Эркинжан.

Посмотрите-ка на него! Ну, ладно, идем!

Ребята взяли Эркинжана с собой. Он весело болтал, не заметил, как быстро они дошли до поля. Собирали полеглие колосья, которые трудно было убрать комбайнами. Работали не только дети, но и их родители. Засмотревшись на них, Эркинжан подумал, что зерна будет мало. Он подошел к рослому мальчику:

- Это правда, что мы наполним зерном весь ток? – спросил он, весело хлопая ресницами. Этот мальчик знал, что такое война, куда идет хлеб, и поэтому ответил:

- Ты пойми! Наши отцы воюют. Весь хлеб - для фронта! Мысли у тебя не зрелые.

- Нет. Вчера же мне дядя солдат сказал, что ток наполнится хлебом.

Этот разговор слышали другие ребята и, смеясь, окружили Эркинжана.

- Ты его знаешь? – спросили они у Эркинжана, весело гогоча вокруг него. – Этот твой дяденька обманывает тебя, считая маленьким.

Дети засмеялись еще громче. Глаза Эркинжана наполнились слезами.

- Выходит, мой папа скоро не вернется?

Ребятам стало жалко Эркинжана, и они, сконфузившись, поглядывая друг на друга, замолчали.

- Идемте спросим у деда Касыма, - сказал высокий мальчик.

- Правильно. И дядя солдат мне говорил, чтобы я спросил у деда Касыма, - добавил Эркинжан.

На току кроме деда Касыма никого не было. Дед сидел и мастерил метлу из таволги. Возле шалаша лежали деревянные вилы и лопаты. Дед был загорелый и худой. Дети стояли перед ним и не высыпали из своих мешков зерно в общую кучу. Поэтому дед удивленно посмотрел на них.

- Вы что-то хотите сказать мне, дети мои? – спросил их дед.

Дети молчали.

- Ну, говорите же, - сказал он, надевая железное кольцо на метлу.

- Дедушка, а правда, что ты родился на току? – спросил рослый мальчик.

- Да, так говорят те, которые меня знают. А зачем тебе это знать?

- Мне нужно. Вот Эркинжану это надо. Он нам говорит, что ток скоро наполнится хлебом. Но мы сейчас не можем поверить этому.

Дед, ударив несколько раз ручкой метлы о камень, задумался. Он внимательно посмотрел на Эркинжана.

- Когда ток наполнится хлебом, придет мой папа, - сказал Эркинжан.

- Отец?

- Да. Один солдат мне так сказал, дедушка. Когда ток наполнится хлебом, тогда он придет.

Дед внимательно посмотрел на Эркинжана и взгляд его встретился с огромными глазами мальчика, тревожно ожидающего ответа.

- Твой дядя солдат сказал правду.

Дедушка погладил по голове Эркинжана и почему-то слезы потекли по его щекам.

Ребята весело вернулись в село...

Эркинжан, как всегда, залез на крышу и стал смотреть в сторону тока. Непрерывно шли подводы, нагруженные и порожние. А во дворе, точно в ожидании, стоял недостроенный тандыр.

1. Тандыр – земляная печь.

ПАМЯТНИК

Многие люди мечтают провести свой отпуск на курортах побережья Черного моря. Нурахун, родом из Малыбая, думал иначе. Для него отдых – это горячие пески Кумдона, прозрачные воды Чилика, леса вдоль реки, веселые трели соловья и суровые скалы седого Алатау. Здесь он себя чувствует свободно и привольно.

Давно покинул Нурахун свой родной Малыбай и живет с семьей в Караганде. Он – шахтер. Веселые односельчане шутили: «Нурахун черный», «Нурахун-уголь», «Ради угля каждый год мы должны его кормить». Ему уже пятьдесят. Любит он своих друзей, односельчан. И в этот раз, как обычно, приехав в село, отдохнув и погостив два-три дня у друзей и родных, он поставил свою палатку в верховьях реки Чилик. И стал жить на природе. Живет день, два. Станет скучно, идет к своим друзьям-колхозникам. Вот и сегодня ему почему-то стало грустно, и он пошел прогуляться по лугу. Встретил друга со смешным именем Зайта-тайгана, что значит «гончая собака». Они долго сидели на зеленой траве, разговаривали, шутили. И так прошел еще один день отпуска.

Иногда Нурахун целыми днями купался, загорал на песке или прятался в зарослях карагача и тальника от палящих лучей солнца. И в общем не замечал, как проходит время. Чистый, ароматный воздух, гладь воды, шум деревьев, пение птиц дурманили его и он не сопротивлялся этому.

Однажды он увидел высокого худого парня, идущего с верховья реки. «Наверное, пошел ловить рыбу или есть дикие яблоки и урюк», - подумал Нурахун. Незнакомый джигит подошел к Нурахуну. У него были большие глаза, загорелые сильные руки. На вид ему было года двадцать четыре – двадцать пять.

- Нурахун-ака, у вас есть спички? В Малыбай идти далековато, да и времени нет, - сказал незнакомец, назвав Нурахуна по имени. Нурахун внимательно оглядел незнакомца, но не узнал. Кто он? Вроде нигде не встречались...

Ты не ошибся. Я Нурахун. Но не сердись, я тебя никак не узнаю, ей-богу не узнаю. Хотя, кажется, не тот возраст, чтобы забывать знакомых.

Джигит улыбнулся, обнажив ровный ряд зубов.

- А я Вас знаю, - сказал он. – Меня зовут Ядикар. Вот уже три года подряд я провожу здесь каникулы. Для отдыха эти места хорошие...

Нурахун удивился: сам он много лет ставит здесь палатку, парня этого но никогда не встречал. Как хорошо, наверное, этому молодому джигиту бродить одному по горам! Удивительная нынче молодежь: что взбредёт в голову, то и делает. Хотя, может, он скрывается, от кого-то - мелькнула тревожная мысль. – Нет, не похоже, чтобы скрывался. Значит, отдыхает. Вон и лицо загорелое. Только, нет, не зря он проводит свое время здесь. Он - ровесник моему сыну, тот сейчас, студент, помогает убирать урожай, а этот ходит здесь без дела. Интересно, почему?

- Вот спички!

- Спасибо, Нурахун-ака. Сократили вы мне дорогу. Мне каждая минута дорога. Скоро в училище занятия начнутся, а у меня дело не закончено. – Он повернулся и пошел вверх по реке.

До отъезда оставалось три дня, но Нурахуну почему-то захотелось обязательно встретиться с загадочным джигитом. Станный джигит. Что он делает один среди диких скал? Откуда знает меня?.. И Нурахун ждал Ядикара. Он почему-то верил, что парень придет.

И тот пришел через три дня.

- Нурахун-ака, я очень беспокоился. Думал, что Вы уехали.

- Беспокоился, говоришь? Сказать правду, я ждал тебя.

- Извините, Нурахун-ака, не было времени.

- Скажи, Ядикар, почему ты уже три года подряд один проводишь свои каникулы в этих горах? Что ты там делаешь? Ты пойми меня правильно: до сих пор, кроме меня, сюда никто не приходил. В прошлый раз мы случайно встретились и вот, опять... Скажи, зачем ты здесь?

- Я спешил, Нурахун-ака, показать кое-что, - улыбнулся Ядикар. – Мне нечего скрывать.

- Здесь кругом горячие пески, теплая вода, а ты, я вижу, ни разу не пришел сюда, не искупался...

- Правду говорите, здесь ни разу не искупался. Но там, у себя, купаюсь утром и вечером.

- Ладно, верю тебе. Что я должен посмотреть?

- Есть здесь одна женщина. Три года я приезжаю сюда из-за нее. Заботливая женщина. Дала прекрасное воспитание своим детям...

«Вот тебе и объяснение, усмехнулся про себя Нурахун. – Приехал отдохнуть и влюбился в женщину с детьми. Не закончил учебу – и уже семейный. Ох, дела...»

- У меня есть любимая девушка. Учится в медицинском институте. Просилась со мной, я не взял ее, чтобы не мешала. Все мои мысли сейчас об этой женщине, - сказал Ядикар.

Очень пожалел старый шахтер, что Бог послал ему эту встречу. «Бессовестный! Из-за какой-то женщины оставил прекрасную девушку. А я, глупый, согласился посмотреть», - мысленно ругал себя Нурахун.

- Вам повезло. Первым ее увидите и оцените.

«Что же, придется посмотреть на эту женщину, которая вскружила голову молодому джигиту, и... плюнуть ей в лицо», - подумал Нурахун, а вслух сказал:

- Показывай свою женщину.

- Конечно, покажу, идемте. – Ядикар повел шахтера по узкой тропинке.

«В самом деле, какое мне дело. Влюбился, ну и ладно! Какой я ему судья?» - успокаивал себя Нурахун.

- Ядикар, я что-то передумал. Не пойду я с тобой.

- Нет, нет, Нурахун ака. Если она Вам понравится, я буду очень рад. Для меня это очень многое значит, - заволновался парень. И Нурахун пошел.

- Ака, Вам какая профессия больше нравится? – спросил на ходу парень.

- Своя, шахтерская.

- А скульптора?

- Это разве профессия?

- Почему?

- Художнику не надо трудиться.

- Я очень люблю профессию скульптора, художника. Не могу представить жизни без нее.

«Недавно говорил о женщине, о детях, а теперь заговорил о художниках. Станный какой-то», - опять про себя отметил Нурахун.

- Одни режут по дереву, другие лепят людей из глины. Разве это профессия? Лучше всего делать что-нибудь полезное, хотя бы, как я, добывать уголь.

Ядикар промолчал. Через некоторое время они остановились у скалы. Несколько маленьких водопадов, срываясь с вершины скалы, сливались в реку Чилик. Около этих водопадов огромный камень был прикрыт серым покрывалом. Ядикар стоял взволнованный, глаза и лицо светились радостью.

- Твоя женщина живет в этой палатке? – спросил Нурахун.

- Сейчас увидите, - весело ответил Ядикар.

Нурахун подошел к прикрытому камню. Вокруг него лежало множество недавно отбитых осколков. Ядикар осторожно снял покрывало:

- Вот эта женщина, о которой я говорил!

Нурахун опешил от удивления. Перед его глазами стояла высеченная в огромном камне женщина. На голову накинута платок, лицо изрезано морщинами. Около женщины толпились дети... Они окружили, оплели ее, будто в плотном хороводе.

- А я, глупый, думал совсем другое, - растерянно выговорил шахтер. – Почему ты сразу не сказал, что это памятник?

- Работа незакончена. Нужно еще работать.

- Что он говорит?! – удивился Нурахун. – Да она как живая!

- Нет. Работы тут еще много. Такая у меня плохая профессия. Никогда в ней ничего не закончишь. Хочется доделывать, дорабатывать без конца.

- Не говори так, укам! Не обижай дело свое. – Нурахуну стало стыдно за недавний нелепый спор. – Скажи, укам, кто эта мать? Кто эти дети? Или ты выдумал их?..

- Нет, ака, это невыдуманные герои. Некоторых я нашел. Искал и находил их фотографии, изучал архивы, расспрашивал очевидцев, побывал на могилах погибших на войне. Образ матери из Малыбая, воспитавшей двадцать детей, всегда стоял перед глазами. Сам не знаю, почему, но мне очень захотелось создать образ этой матери и ее детей. Это место очень подходящее...

Слушая Ядикара, Нурахун любовался изваянными из камня матерью и детьми.

- Говоришь из Малыбая? Дорогой укам, золотой укам, дай поцелую твои замечательные руки! – воскликнул Нурахун и действительно приложился губами к рукам Ядикара... На глазах у него выступили слезы.

- Я знаю этих детей!.. Вот это – я, это, это – моя жена, это – погибший на войне брат Иминджан, этот стал писателем, этот – врачом... Ты многое воскресил в моей памяти! Ты очень хорошо все это придумал, сынок! Очень хорошее дело начал. Желаю тебе удачи! А мы позовем людей, покажем им это чудо. Ах, если можно было бы перенести этот камень в село!..

- Камень принадлежит Малыбаю, и никуда его не будем переносить, - возразил парень. – Я случайно выбрал это место. Узнал, что здесь будут строиться дома отдыха для малыбайцев. Они будут здесь жить и будут смотреть, любоваться моей Матерью. Я в это верю. Вам-то нравится? – спросил Ядикар, заглядывая в глаза Нурахуна.

- Мне? Я очень благодарен тебе, сынок. До сих пор не понимал, что эта профессия способна на такие чудеса.

Ядикар вооружился зубилом и молотком, приступил к работе. Под руками скульптора камень оживал, все четче проступал в нем образ доброй, ласковой матери с детьми.

ПАЛКЁЗ

Меня зовут Нурсадыком и мне двенадцать лет. А Палкёзу этой весной исполнилось два. Мы росли вместе, как пальцы на одной руке. Он развивался быстро, заметно прибавляя в весе, и постоянно привлекал к себе внимание окружающих. Затевая игры, он не мог обойтись без того, чтобы, как говорится, не поднять пыль столбом. К тому же был хвастлив и тщеславен, как иной самовлюбленный человек. Он то и дело гонялся за своими сверстниками и бодал их тяжелыми и кривыми, как дедушкин серп, рогами. А когда стадо вечером возвращалось в село, то он, крутя мощной шеей и низко наклонив голову, бросался на глиняные дувалы и таранил их своим могучим лбом.

Конечно, он был еще очень молод, ему многое еще предстояло понять и многому научиться. Но кое-какие жизненные понятия Палкёз усвоил довольно твердо. В частности, он хорошо отличал доброе от злого. Если кто, случалось, обижал его, то Палкёз старался не оставлять его безнаказанным. Будь обидчик знакомым ему или чужим. Для него это обстоятельство не играло роли: всякая обида должна быть оплачена. Я пытался сдерживать его страсти, учил быть мирным, но моя наука не шла ему впрок. И виной этому были мальчишки, которых принято называть озорниками. Случалось, они притворно обласкают его, а потом взбираются ему на спину и гонят вскачь. И тогда обидчикам неизменно доставалось от Палкёза, а я переживал за невоздержанность своего друга.

— Палкёз, – говорил я ему, – ведь ты - умный, не ввязывайся в драки и потасовки. Эти озорники всегда могут обидеть тебя, так как считают, что ты - обыкновенное тупое животное и ни на что не можешь реагировать разумно.

— Ведь это верно, Палкёз, да? – продолжал я убеждать своего друга. – Я вижу, как ты ешь хлеб, когда я кормлю тебя из своих рук. Берешь аккуратно, не уронишь на землю ни крошки, чувствуешь запах и вкус хлеба. Поступаешь, как существо, наделенное разумом и чувствами.

И это было действительно так. Палкёз казался умным и добрым. Именно поэтому я не дал ему никакой клички, а назвал серьезным, уважительным именем Палкёз. Его просто нельзя было назвать – “Черный”, “Пегий”, “Рябой”, “Белый”. Мне почему-то думалось, что такое обращение его бы просто обидело.

Иногда он круто менял свой нрав и это меня расстраивало. Изменения в поведении Палкёза обнаруживались во время еды. Он вдруг начинал брать корм небрежно, ронять на землю клочки сена, с его черепаших губ текла слюна. Либо хватал торопливо, словно кто-то отбирал у него корм. А ведь я учил его быть аккуратным, и Палкёз, казалось, во всем слушался меня. Значит, наверняка кто-то обидел его, испортил настроение.

Утром и после возвращения с пастбища я неизменно чистил Палкёза, шерсть всегда лоснилась на нём. Но иногда он приходил весь в ранах и в ключьях лопуха. Неужели только среди лопухов растёт хорошая трава? Наверняка Палкёз резвился в стаде, совсем забыл про еду. Так случилось и на этот раз. Я заигрался с дружками на речке Казах, там нас застала и задержала буря. Словом, когда я вернулся домой, то оказался свидетелем чрезвычайно интересного события. Обычно в это время Палкёз свободно прохаживался по двору, но сейчас он был прикручен цепью к большому клёну, на котором я любил спать. Палкёз сердито косился на меня и вид у него был удручённый. Перед ним в кормушке лежали початки кукурузы с непросохшими венками, тыква, искореженный картуз подсолнуха, морковь. Из сада выскочил мой брат. Он был сильно возбужден и даже разгневан. Чувствовалось, что он сильно пьян. После ухода из дома жены он совсем распустился, стал выпивать, всё его раздражало. Сейчас он держал в руках стальной кетмень, оставшийся после отца.

— А-а-а!— заорал брат.—Уже и кукурузу не хочешь жрать?! Я тебя заставлю! Жри, лопа! Думаешь, легко мне это достается? Лопай! Не то я накормлю собак мясом твоих жирных ляжек!

Брат разразился страшными ругательствами. Он сыпал “отборными” словечками на русском, уйгурском, казахском и даже на языке крымских татар. Выкрикивал всё, что взбрело ему на пьяную голову, и вдруг размахнулся и резко ударил по спине Палкёза. Бедное животное! Если бы знал Палкёз, что его побьют, разве он дал бы накинуть цепь на свои рога? Палкёз взгорбил спину, натянул рогами цепь, начал копытить землю. Видя, что брат ещё раз хочет ударить его, я взмолился:

— Лучше побей меня, ака! Он ни в чём, ни виноват! Бей меня...

— Прочь с дороги! И тебя не пожалею! — Брат оттолкнул меня крепким кулаком, заскрежетал зубами.

Я упал навзничь. Палкёз видел всё это. Он взревел, поднялся на дыбы и оборвал привязь. Встал рядом, загородил меня своей мощной тушей. Он словно бы говорил: “Попробуй, тронь!”

— Беги, Палкёз,— крикнул я, увидев приближающегося брата с кетменем в руках.

— Не убежит, — рычал брат, — не убежит!

И Палкёз, действительно, не побежал. Он согнул голову, поднял брата на рога и кинул его на землю. Не успел брат подняться, как Палкёз ринулся к нему и прижал его к стене.

— Палкёз, перестань! Палкёз, не трогай его! — кричал я и бегал возле разъярённого животного.

Палкёз отошел от стены, покрутил головой, будто стряхивал какую-то тяжесть со своих острых рогов, и пошагал к развесистому клёну, под которым стояла кормушка и на ветвях которого, на специально устроенном помосте я проводил короткие летние ночи.

— Палкёз тебя слушает! — удивился внезапно протрезвевший брат. — Он что, не любит запаха водки?

— Да, не любит. И запаха водки, и тебя.

Я здорово рассердился на брата и наговорил ему много нехорошего: и то, что он пьяница, лодырь, и вообще - никчемный человек.

— Не говори так,— вздыхал брат. — Мне и самому от всего этого тошно. Вот увидишь, я скоро брошу пить, совсем брошу!

Ничего не сказал я брату в ответ, увёл Палкёза в сарай, где долго оставались мы с ним наедине. Тщательно протерев сухим сеном вздрагивающие бока Палкёза, я ласково потрепал его по загривку. В темноте ярко светились его повлажневшие глаза, и мне показалось, что Палкёз плачет. Так это было или не так, но Палкёз весь тот вечер был вялым, малоподвижным и как будто бы несколько задумчивым.

А брат мой с тех пор круто переменялся: перестал пить и всем пообещал больше никогда не брать в рот и капли водки. А однажды подошел ко мне во дворе, когда я устраивал на ночлег Палкёза, и твердо проговорил:

— Нурсадык, ты скажи своему Палкёзу, что я очень люблю его. Люблю так же, как и тебя. Хорошо, что мы купили для хозяйства именно его.

2

Дни, когда налетает гроза, хлещет дождь и сверкает молния, очень радуют нас с Палкёзом. Радуют и волнуют... Чтобы полюбоваться на красавицу радугу, я бегу на окраину села. Палкёз, конечно же, следует за мной.

— Смотри, как расцвечены вон те дальние тучи, – говорю я Палкёзу и указываю рукой на убегающие к горизонту облака. Все они пронизаны синими, желтыми, оранжевыми, красными перьями. Не облака, а гигантские райские птицы. А радуга – словно триумфальная арка. – Видишь, как широко и торжественно она распахнута – летите, птицы, в невиданную синь, роняйте золотые перья на орошенные дождями нивы.

И еще оттого я радуюсь, что много еще всяких чудес на земле. В нашем дворе стоит старый, кудрявый клён. Никто не знает, сколько ему лет. Говорят только, что посадил его еще дед моего деда. На нижних его ветвях я соорудил веревочную сетку и застелил ее старым тулупом. Ночами я сплю там, а днем, укрывшись в прохладной тени ветвей, читаю книги.

— Упадешь ты когда-нибудь оттуда! – сокрушается сердобольная мать, но дед, наоборот, подбадривает меня: – Не бойся! Тот, кто облюбил этот клен, проживет долгую и хорошую жизнь.

Разумеется, обо всем этом я не преминул рассказать своему другу Палкёзу.

Однажды безлунной ночью к дереву подошел какой-то человек и тихо окликнул меня. Свесив голову вниз, я огляделся и узнал в пришедшем Сулейман-ака.

— Эй, Нурсадык, – зашептал он, – спустись вниз.

Я натянул рубашку, штаны и через минуту был уже под деревом.

— Что случилось? – спросил я.

— Ничего. Пошли быстрее, я не один.

Он взял меня за руку и повёл за собой. Неподалеку стояли мужчины с неоседланными ишаками. Я узнал их. Это были братья Амут и Турган. Глаза у них горели и я заподозрил что-то неладное.

Джигиты сели на ишаков. Сулейман-ака посадил меня перед собой на ишака и сказал попутчикам:

— Это наш братишка. Ну, давайте побыстрее: до луны не окончить дело.

— Куда едем? – с тревогой спросил я.

— Как доедем, скажем, – засмеялись они в ответ.

Я промолчал. Когда мы добрались до обнесенного высоким забором сада Камардина-Капака, мои попутчики сошли с ишаков.

Я видел уже хозяина этого сада. Однажды шёл мимо, держась за хвост Палкёза, и ненароком посмотрел в сторону сада. Хозяин заметил меня и грозно сказал:

— Выколю тебе глаза, если они еще раз посмотрят на мой сад!

— Нурсадык, – сказали мне, – этот Капак – нехороший, человек: в колхозе работать не хочет. Ни одного яблока никому не даст, всё продает! Спекулянт и скопидом.

— Ворвать не хорошо, – сказал я слова, сказанные мне когда-то дедом. – Если бы знал, не пошел бы с вами.

— Ты не будешь воровать. Мы сами управимся. Сейчас Камардина-Капака дома нет. Не успеешь до трех сосчитать, как мы набьем мешки и будем здесь. Ты стой тут. Появится Капак – крикни

Я малодушно согласился. В темноте они прошмыгнули в сад, а я остался. Прошло довольно много времени и вдруг как из-под земли появился какой-то человек. Это и был Камардин-Капак. Он больно схватил меня за локоть, от него пахнуло водкой.

— Воруют? – спросил он у меня.

- Да.
- Чей ты сын?
- Сайдуллы.
- Скажи: отпрыск Сайдуллы, хромого калеки.

Я крепко обиделся на Капака за то, что он обозвал отца хромоногим. Отец потерял ногу на войне. Защищая Родину. К тому же он давно умер. Тут Камардин-Капак стал целиться в кого-то из ружья. Я испугался за людей в саду: этот злой человек может их перестрелять!

— Берегись! – громко, с плачем закричал я, кинулся бежать, но споткнулся, упал и снова оказался в руках озверевшего Капака. Он спустил мне штаны и безжалостно избил колючей хворостиной. В конце концов я все-таки убежал...

Эту ночь я провел беспокойно и уснул только на рассвете. Проснулся поздно от каких-то громких, тревожных криков, которые доносились с улицы. Я выбежал во двор и не сразу понял, что произошло. По двору, плача и вытирая рукавами слезы, ходили мои родственники, соседи, старики и старухи. Было ясно, что случилось какое-то горе.

— Что ты наделал?! Как можно обидеть безответное животное? – спрашивали люди с негодованием Камардина-Капака, который стоял посреди двора с окровавленным ножом в руках. Он вытирал нож травой. Наконец приблизился к моей матери и начал кричать ей в лицо:

— Ты вспомни, каких только пакостей не делал мне твой муж?! – со свирепым лицом наступая на мать. – Он обвинил меня в том, что я потопил в реке обоз пшеницы, и меня засадили!.. Он хотел моей смерти, а сам умер раньше меня! А я вот жив, и теперь пришло время рассчитаться хотя бы с вами...

Потом я видел Палкёза с обрезанными ушами. От боли он метался по двору. Кровь струями текла по его атласной коже. Бедный Палкёз, мой большеглазый друг!

Я пошел к Палкёзу, чтобы приласкать его, но после случившегося он стал недоверчив: дико взревев, бросился на меня и свалил с ног. Потом он отошёл к сараю и с недоумением, диковато глядя на людей, замер там. Вот как подло отомстил моему покойному отцу коварный Камардин-Капак.

— Хватит причитать! Не человек же умер! – наконец выкрикнул Капак и, обращаясь ко мне, игриво добавил: – Эй, озорник, твой Палкёз оказывается хорошо откормлен. Пусти его на мясо, а взамен я тебе отдам стельную корову. Будешь пить молоко, да и меня благодарить.

Я не стерпел:

— Как ты можешь так говорить?! Разве свежие родники, пение соловья, тепло солнца, весь этот большой мир существует только для человека?! Всем этим любовался и радовался мой Палкёз, а ты отнял у него эту радость! Нет у тебя ни души, ни сердца, ни совести!

— Тише, молокосос! Ишь, разговорился! – Камардин-Капак намеревался ещё что-то сказать, но его решительно перебил аксакал с запахнутой за пояс поллой халата:

— Пошёл вон, мерзавец! Как ты помотришь теперь людям в глаза?! Молва о твоей подлости разнеслась уже по всему Чилику, она облетит весь край и нигде ты не найдешь покоя! Позор тебе, изуверу!

— Стой, стой! – Камардин насильно остановил старика. – Скажи лучше, готова ли моя кадушка, которую я тебе заказывал? Пригодится для мяса, когда хозяин зарежет Палкёза.

Старик ничего не ответил, повернулся и ушел к себе в дом. Через минуту он появился на крыльце с новенькой, только что сделанной кадушкой. Молча бросил ее на землю и пнул ногой.

— Пусть вот так разлетится твоё благополучие, – крикнул старик и плюнул Камардину в лицо.

Люди постепенно разошлись по домам. Назавтра пришел ветеринар, осмотрел животное и составил акт на Камардина. Врач также посоветовал подать на него в суд.

— Зачем?— не согласился я. — Пусть живет и кается перед народом. Вы лучше скажите, заживут ли у Палкёза уши?

— Заживут,— успокоил ветеринар.

Уши быстро зажили, зарубцевались раны, из них стали расти белые, шелковистые кисточки шерсти. Теперь, когда он подбегает ко мне, кисточки на ушах его трепещут, а на глазах появляются слезы. Палкёз научился плакать по-настоящему. Он подрастал, заметно креп телом. Однако стал очень грустить, ни на какие игры его не тянуло. Когда приходилось проводить Палкёза мимо дома Камрдина, он умоляюще просил:

— Не показывай ты его мне, не мучай душу...

Какое-то время я Камрдина не видел, а потом от людей узнал, что он свёл счеты с жизнью, повесился.

Летом, в мое отсутствие, брат продал Палкёза своему знакомому из Чилика.

— Не обижайся, — сказал он, — но нам нужны деньги. Таков закон жизни.

— Будь проклят такой закон! — заплакал я.

В Чилике Палкёз прожил больше месяца. Видно, очень тосковал по прежней жизни и в конце концов вырвался на волю, прибежал домой. Громко мыча, как бы приветствуя нас, Палкёз важно прошёл во двор. Трогательной была моя встреча с моим любимцем. Я его обнимал, гладил, целовал обрубки его ушей, а мать и брат с изумлением наблюдали за этой сценой.

Однако новый владелец вскоре пришел за ним, но Палкёз лег во дворе и никакими силами уже нельзя было сдвинуть его с места. Хозяину были возвращены деньги.

Однажды Палкёз заболел какой-то болезнью. Он болел долго. Я навещал его и многие часы проводил рядом с ним. В глазах Палкёза часто появлялись слезы. Он плакал. Плакал с ним и я.

Как-то раз я хотел прогуляться с ним по улице, Палкёз попытался встать, но у него уже не было сил, чтобы совершить нашу прогулку. Вскоре его не стало. Он ушёл от меня, обиженный злым человеком, но не забытый мной. А вместе с ним, как мне казалось тогда, ушли мои самые нежные чувства, светлые надежды и радости. Но доброе время вернуло мне всё это. Вернуло в воспоминаниях.

Переводы с уйгурского И. Шухова